

Глава V

Золотное шитьё

Нельзя всерьёз говорить о Торжке и избежать при этом тему золотного шитья – главного творческого промысла в этом древнем городе, его визитной карточки. Тут золотой нити в умелой руке искусной новоторки уступает все, в том числе и Пожарские котлеты, рецепт которых, между прочим, оставил какой-то заезжий француз. Вроде бы у него не было денег заплатить за ночлег, и хозяйка гостиницы – госпожа Пожарская, известная своими объемами, – содрала с француза рецепт котлет... Так вот, золотошвейному промыслу в Торжке много веков, и если честно, то даже никто не знает, сколько именно. Только установят, что вышивают здесь с XIII века, как тут же найдут какую-нибудь туфельку XII века. Запишут в справочники и путеводители, едва успокоятся, как какая-нибудь бабушка принесет вышитую золотом подушечку XI века, и снова все справочники и путеводители приходится переписывать. А недавно мне рассказывали, будто археологи нашли в раскопках невзрачный лоскуток. Помыли его, почистили, пригляделись – а там знаменитый «кованый шов»! Да не просто «кованый», а специальный, называемый «ягодкой». Еще пристальнее пригляделись – оказалось, лоскуток-то IX века!

– Так ведь тогда еще не было Торжка! – взбудоражились ученые-историки.

– А как же лоскуток? – ответили вопросом невозмутимые археологи.

– Да, помилуйте, откуда же «кованый шов», да еще «ягодкой», в девятом веке? – в истерике забились историки. – Это если бы шов был «корзиночкой» или «копытчиком», еще куда ни шло, а чтобы «ягодкой» или «денежкой», такого в девятом веке быть не может!

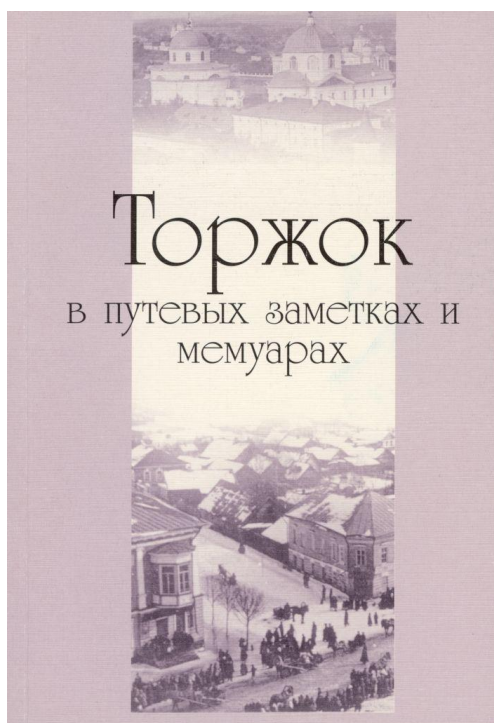
– Как же не может быть «ягодкой», когда вот он перед вами? – отвечают археологи и показывают историкам расшитый золотом древний лоскуток. – Видимо, какая-то мастерица взяла специальные деревянные распорки, заплестила в них материю и вышила золотой ниткой неведомую зверушку. Что ж тут такого? А уж почему ей вздумалось вышивать «ягодкой», а не вашим «копытчиком», так кто ж ее, девицу, поймет? Это уже вопрос психологам, – заключил один уважаемый археолог, пряча уникальную находку в нагрудный карман.

– Не может такого быть! – все равно упорствовали историки и краеведы.

Страсти продолжают бушевать, а я об этом рассказываю для того, чтобы вы имели представление о том, какое значение имеет этот легендарный промысел для новоторов. Поистине, мы говорим Торжок – подразумеваем золотное шитье, а как только разговор заходит о золотном шитье, тотчас перед глазами встает этот тысячелетний многострадальный русский город.

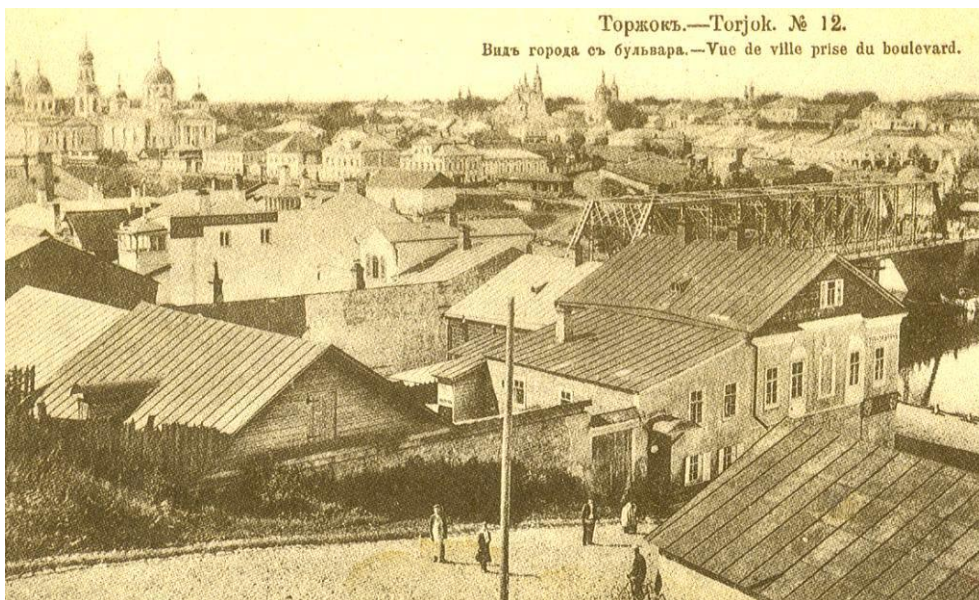
Раз уж мы коснулись истории, то стоит остановиться еще и вот на чем. Мы все говорим: «новоторы», «новоторки», а не мешало бы объяснить, что это за название, откуда взялось?

Давным-давно, когда на бескрайних просторах русского севера процветала могущественная Новгородская республика и вместе с нею – торговля, нынешний Торжок назывался Новым Торгом, а его жители, соответственно, новоторами, характер которых древние летописцы отождествляют с новгородским:

«...беша бо человеци суровы, непокорови, упрямчивы, непоставни (неудержимы)...»

Представляете! Взойдешь на пригорок у излучины Тверцы, окинешь взглядом посад, а там... от горизонта до горизонта идет сплошная торговля всем, что только есть на белом свете. Шум, гам, сутолока, и, конечно же, ворье шарило по карманам честного народу так, как нигде в другом месте. Видимо, это дало повод В.И.Далю, автору знаменитого Толкового словаря, заметить: *«Все новоторы – воры»*. И, знаете, новоторы на Даля не в обиде. Во-первых, потому, что он добавил к сказанному: *«...и осташи – хороши»* (это про жителей соседнего Осташкова), а, во-вторых, назовите, кто у нас на Руси в этом смысле не *«хорош»*? Тут, скорее всего, сам Даль и виноват. Надо было за вещичками-то следить и народ наш слабовольный не искушать.

Войны, набеги, грабежи, пожары, революции, реформы – изничтожали Новый Торг, и в конце концов дошло до того, что осталось от него лишь несколько лавок, за которыми стояли десяток бабок и продавали что-то вроде семечек. И всё. Больше уже ничего

тут не было. Какой же это Новый Торг? Поэтому в народе город стали все чаще называть уменьшительно – *Торжок* и даже *Торжочек*. Так и говорили:

*Эх Торжочек, мой Торжочек!
Несколько торговых
точек...*

Но если название Торжок прижилось, то жители города так и остались *новоторами*. Женщин здешних в миру зовут *новоторками*, а совсем молоденьких девочек – *новоторочками*. Что-то, согласитесь, привлекательное в этом есть. Правда, люди несведущие называют жителей Торжка по-разному: *торжоксами*, *торжковцами*, *новоторжцами* и еще как-то, и уже бывает, что сами жители не знают, кто они и как их правильно называть. Но в последние двадцать лет все же больше склоняются к *новоторам*.

Есть у местных футурологов предположение, что с подъемом отечественной экономики торговля в этих краях вновь расцветет, опять потянутся сюда заморские караваны и Торжок снова превратится в Новый Торг. Тогда уже вопросов – что это за новоторы такие? – ни у кого не возникнет.

Итак, если помните, на Троицких гуляниях я был приглашен девушками-мастерицами в Торжокское училище художественной вышивки, для того чтобы познакомиться поближе с этим древним промыслом. Но прежде чем рассказать о посещении училища и о встречах в его стенах, я предлагаю вашему вниманию выступление

В.Ф.Кашковой на одном престижном семинаре. Этот доклад называется так: *«Упоминание о торжокском золотном шитье в произведениях русских писателей и поэтов»*. Привожу его с некоторыми сокращениями.

«...Торжку волею обстоятельств и самой русской историей было дано оказаться на перепутье: следуя через наш город, многочисленные проезжие разных рангов развозили по “всей Руси великой” то, что было выражением сути, душевного настроя и практического опыта малого города, расположенного “под сенью двух столиц”.

Изделия торжокских золотошвей становились неременной частью русского быта, показателем внутренней культуры и вкуса, деталью внешнего облика человека. Свидетельство этому мы находим в произведениях русских писателей, публицистов, а также в их эпистолярном наследии.

...Лето 1809 года. Сергей Николаевич Марин, известный в петербургских кругах поэт-сатирик, блестящий гвардейский офицер, флигель-адъютант герцога Ольденбургского в Твери, проезжает через Торжок. Город ему хорошо известен не только как бойкая почтовая станция, но еще и как родина Елизаветы Марковны Полторацкой-Олениной. В доме Олениных в Петербурге Марин – свой человек. Он – участник домашних спектаклей и поэтических импровизаций, его приглашают в Приютино. Он приходит в дом друзей с милыми подношениями – стихи, альбомы, а вот теперь и туфельки из Торжка. К изящным туфелькам, расшитым золотной нитью, приложены стихи:

*Страну Тверскую проезжая,
Прекрасный город встретил взор,
Тверца, там быстро протекая,
Кружится меж высоких гор.
Он разделяет две столицы.
Там есть прелестные девицы,
Которы, ставя лень в порок,
Сафьянны туфли работают –
И тем прославили Торжок...*

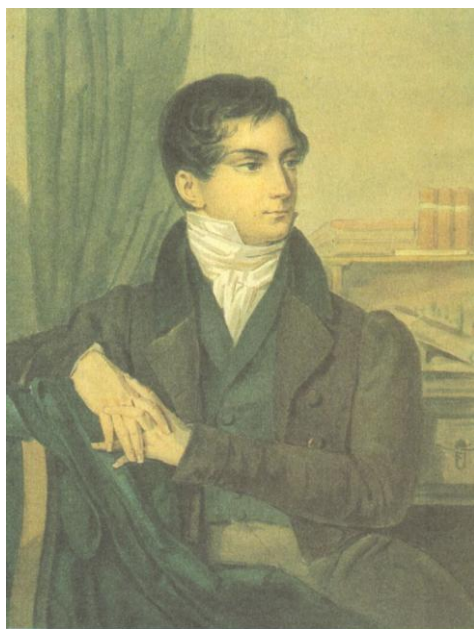
...Золотошвейные изделия, которые раскупались мимолетно, как пишет П.Сумароков, не были привычным подарком, они были редчайшим и дорогим приобретением. Их не преподносили безмолвно, мимоходом – их сопровождали целыми одами в стихах и письмах. Вы все помните, что написал А.С.Пушкин В.Ф. и П.А.Вяземским. Особенно часто повторяется каламбур: *“Скажите княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы...”*

Обладавшая непогрешимым вкусом, изящная, грациозная, хотя и не отличавшаяся особой красотой, княгиня Вера слыла в свете самой пленительной женщиной, и во многом благодаря умению одеваться. Чтобы угодить ей, надо было найти что-то редкое. И Пушкин нашел это *редкое* не в Москве, а в небольшом провинциальном городке, известном, однако, всей России. Какой безупречный вкус у поэта! Недаром Вера Федоровна в ответном письме пишет: *“Количество поясов привело меня в негодование, и только качество их может служить вам извинением, ибо все они прелесть...”*

Через день, 4 ноября 1826 года, в эту же лавочку Пожарского зайдет друг Пушкина – Дмитрий Владимирович Веневитинов, следовавший из Москвы в Петербург. И опять поясы! И туфельки!.. А вот и письмо в Москву: *“Препровождаю к Софи (сестре Веневитинова)... маленький пакет; она исполнит мои поручения. Две пары башмаков под буквою "а" предназначены кн.Зинаиде. Передайте ей мою живейшую благодарность. Пошлите также две пары башмаков Трубецким, остальные для маман и для Софи. Посылаю пунцовый пояс Софи Дорер, другой пояс предназначается для моей Софи...”*

Какие удивительные мужчины! Устают в дороге, питаются кое-как, обстоятельства в пути самые неожиданные, в Петербурге у того и у другого – полная неизвестность, а они в дороге ищут то, что сможет согреть душу женщины, заслужить ее ответную признательность.

Туфельки – *башмаки!* – вы чувствуете атмосферу двадцатых годов прошлого века? – и, конечно, шитые золотом – Зинаиде Волконской – предмету романтической, возвышенной любви

204. Д. В. Веневитинов
Неизвестный художник, с оригинала А.-Ф. Лаврена. 1820-е гг.

Дмитрия Веневитинова. Поэтесса, красавица, хозяйка литературно-музыкального салона в Москве, княгиня, поражавшая всех редким сочетанием красоты и тонкости ума.

Какими же должны быть эти башмаки, чтобы поэт, боготворивший женщину, – ей бы на Олимпе являться! – мог послать ей торжокские туфельки?! И еще одна деталь. Дочери своего старого гувернера – Софи Дорер – он посылает пунцовый пояс (разумеется с шитьем!). И мы теперь, благодаря этой

опознавательной детали, узнали, что в моде тогда были яркие "поясы", которые носили на легких, светлых платьях. Веневитинов любил этот цвет. Как-то он написал:

*Но из цветов любимый мой
Есть цвет денницы молодой:
В сем цвете, как в одежде брачной,
Сияет утром небосклон...*

Веневитинов прожил всего двадцать один год...

Встречаются упоминания о великолепных изделиях торжокских мастериц и в прозе писателей XIX века. В 1835 году выходит роман И.Лажечникова "Ледяной дом", и там дается в главе "Смотр" описание новоторжской красавицы: *"Ловко накинула девушка на плечо свой парчовый полушубок... Богатая фрязь ее, как жар, горит. Легко ступает она в цветных сафьяновых черевичках, шитых золотом."* В волосах девушки – блестящий бант и лента из золотой бити.

В торжокских сапожках щеголяет по гостиничному номеру и удачливый Чичиков. Он вскочил с постели, *"надел сафьяновые сапоги с резными вкладками разных цветов, какими бойко торгует"*

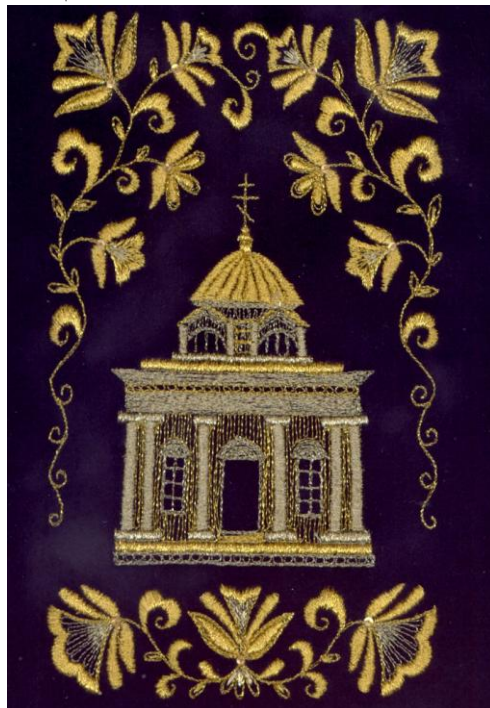
город Торжок благодаря халатным побуждениям русской натуры”,
– пишет Н.В.Гоголь.

В пьесе Островского “Свои люди – сочтемся” Олимпиада Самсоновна, перечисляя свои наряды, говорит: *“А вот посчитай: подвенечное блондовое на атласном чехле да три бархатных... два газовых да креповое, шитое золотом...”*

Как видим, в гардеробе купеческой дочери должно быть что-то шитое золотом – как подтверждение достатка семейства и приобщенности к избранному кругу лиц.

Встречает торговку козловыми туфлями в комнате торжокской почтовой станции и Пьер Безухов. И, наверное, это происходит оттого, что сам Л.Н.Толстой когда-то испытал подобное же в городке, лежавшем на главной государственной дороге.

Памятью о торжокских мастерицах стала подушка, подаренная Льву Николаевичу в 1908 году, когда Россия отмечала 80-летие писателя. Составленная из двух кусков кожи коричневого и бордового цвета, вышитая строгим орнаментом золотой нитью по линии стыка двух цветовых основ, она лежит на большом кожаном диване в кабинете Толстого. На подушке золотой нитью вышито:

Графу Льву Николаевичу Толстому
в знак величайшего почитания от
группы учителей и деятелей
Новоторжского земства.
29 августа 1908 года

Конечно, была вышита эта подушка мастерицами земской мастерской золотного шитья. И все, кто приезжает в Ясную Поляну, почти век читают слова, вышитые по воле наших признательных земляков. И сегодня мы обращаем с глубочайшей благодарностью свой взор на истоки неподражаемого искусства мастериц-кудесниц,

подаривших продолжателям дела редкого и прекрасного преданность золотой нити.

*Струится, как в сказке,
Узор золотой,
Ставший надеждой,
Ставший судьбой.
Тянется ниточка – годы
бегут,
Песню душевную пальцы
поют...»*

Теперь, когда благодаря Валентине Федоровне Кашковой нам уже кое-что о золотном шитье-бытье известно, можно переступить порог училища, где обучаются и профессионально воспитываются будущие торжокские золотошвеи.

На начало учебного 1997-1998 года в училище числятся 115 девушек. В основном из Торжка и Твери, но есть девочки и из других городов России. Ребят в этом училище нет, но мне сказали, будто два самонадеянных молодых человека сюда как-то поступили и вскоре по каким-то причинам сбежали... Стипендия, которую получают будущие мастерицы, от тридцати до пятидесяти тысяч рублей в месяц. Зато училище бесплатное, и в нем может учиться каждый. Платная только одна группа, в которой обучаются будущие художники-вышивальщицы. За получение этой профессии надо платить шестьдесят тысяч рублей в месяц.

Здание училища обыкновенное, ничего изысканного или особенного в нем нет. В коридорах представлены рисунки лучших учениц, из которых мне особенно понравились работы Вероники Чурилло. К сожалению, ни Вероники, ни какой-либо другой золотошвеи я в училище не обнаружил, потому что все они уже разъехались на летние каникулы, а учителя – в отпусках. Зато удалось побывать в музее училища и увидеть уникальные образцы древнего промысла.

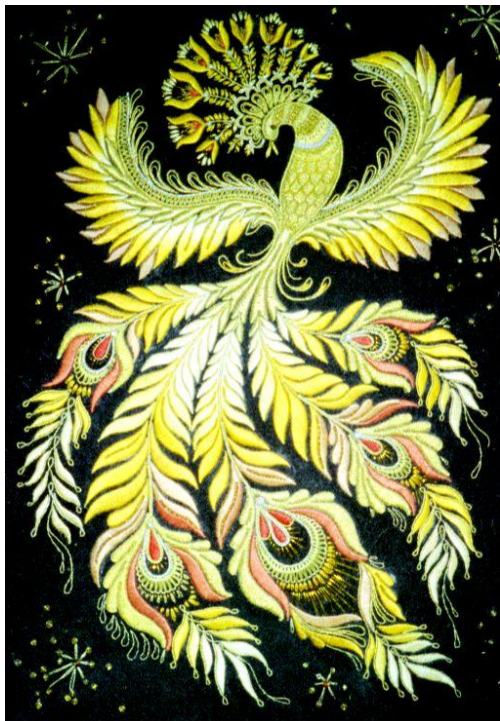
Музей располагается в одной большой комнате. Видимо, это специально приспособленная аудитория. Едва начав осмотр экспонатов, я был сразу же напавал сражен фантастическим, невероятно красивым черным меховым костюмом, расшитым золотной ниткой. В этот костюм входили душегрейка, рукавицы, зимняя шапка-боярочка и серьги-клипсы. И хотя в музее были представлены другие шедевры, оторваться от костюма я уже не мог. Мне представлялась невысокого роста девушка, с длинными и немного завитыми черными волосами, с большими карими глазами, очень подвижная, даже чуть пританцовывающая и лукаво улыбающаяся. Она в длинном черном трикотажном облегающем стройное тело платье, в модных сапожках на квадратном каблуке, и уже сверху на платье надет этот удивительный, неповторимый золотошвейный шедевр. «Только где же такую найти? – подумал я. – А если и найдешь, на этот костюм никаких денег не хватит. Но если даже и деньги найдешь...»

– Куда же у нас выйти в таком костюме? – спросил я.

– Как «куда»? Костюм называется, между прочим, «Зимой по Невскому», – ответили мне.

И далее рассказали, что этот костюм демонстрировали не то в Риме, не то в Париже, на престижном международном конкурсе, в жюри которого входил знаменитый модельер Пако Рабан. И все были восхищены костюмом, аплодировали и дали ему, как мне с гордостью сказали, семь баллов из десяти... Думаю, что ни черта этот Пако Рабан, вместе с жюри, не понимает, если такому костюму не дает все десять. Этот шедевр сам кого хочешь аттестует...

Словом, ушел я из училища восхищенный, воодушевленный и озадаченный. Вот только настоящего разговора о будущем знаменитого промысла не получилось. Его пришлось отложить на три месяца, когда в Москве, в киноконцертном зале «Октябрь», проходила выставка-ярмарка изделий народного промысла.

Торжокское золотное шитье было представлено на этой ярмарке довольно скромно, потому что каждый метр площади в центре Москвы стоит больших денег. Но выставленная на обозрение шаль «Райский сад», дипломная работа торжокской мастерицы, была едва ли не самым красивым и притягивающим экспонатом на всей ярмарке, и многим хотелось эту дивную шаль приобрести.

Я поинтересовался мастерицей, автором «Райского сада», и историей его создания. Мне рассказали, что шаль эту вышивала очень способная девушка Юля. Сначала, когда определялись с дипломной работой, она должна была вышивать какое-то уникальное одеяло. Уже был готов рисунок на этом одеяле, подобраны нитки и все прочее необходимое для работы, как вдруг Юля влюбилась. В какого-то торжокского парня. И это, видимо, было таким безумием, что ни о каком вышивании одеяла речи быть не могло. Мне сказали, что в это время Юлю больше интересовали совсем другие вещи. И вот, чтобы как-то выйти из положения, ей предложили заняться шалью, вещью более поэтичной, чем одеяло. Влюбленная мастерица на одном дыхании вышила сложный и неповторимый узор, защитила диплом и, как мне сказали, тут же куда-то уехала. Одна! Видимо, теперь уже и парень этот стал ей не нужен... Вот так!

Демонстрируется на выставке в Москве великолепная шаль, ею все любуются, а история у нее вон какая!

Так вот, на выставке мне удалось встретиться с Мариной Владимировной Пугаевой, преподавателем художественной вышивки в торжокском училище. Живо и заинтересованно реагирующая на самые неожиданные вопросы, Марина оказалась прекрасным, знающим собеседником. Прошлые и настоящее золотого промысла мы уже в нашем очерке затрагивали, а вот о будущем не говорили. Вот что рассказала Марина:

– Девушки идут в училище, но из них лишь немногие хотят заниматься этим промыслом. Детей, которые пришли не случайно и при этом прекрасно рисуют, – мало. Девяносто девять процентов все же случайные.

– Почему?

– В училище нет вступительных экзаменов, и не надо платить за учебу. Уже этого достаточно для притока случайных детей. Пять

лет назад образовалась творческая группа, отстоять которую стоило больших трудов. Поскольку группа была платной, то можно было нанимать высокопрофессиональных художников из Москвы и Санкт-Петербурга. Прошло пять лет, все было успешно, великолепная программа, а сейчас все летит неизвестно куда. В 1997 году мы такую группу не набрали. Дети все понимают, все знают, и на них это очень отрицательно действует. Они перестают надеяться и верить, что золотошвейный промысел и их собственное будущее в нем кому-то вообще нужно.

– А действительно, что будет с ними потом?

– Они будут многое уметь.

– Но где они смогут применить свое мастерство?

– Мы нацелены на то, чтобы наши лучшие ученицы поступали дальше в институты.

– Но если талантливая девочка вышивает так, как больше никто в целом мире, то, может, ей этим и следует заниматься? Зачем ей институт? Может, и толкать их туда не стоит?

– Я в первую очередь пытаюсь сделать из них художников. Преподаю им рисунок, живопись, композицию. Может, я не права, все-таки они учатся в вышивальном училище, но они, три года проучившись, становятся больше художниками...

– ...и перестают вышивать, уходя из уникального промысла.

– Но с вышивкой где им работать? Только если уж сильно повезет, – говорит Марина.

– Для вышивки им не надо ни института, ни академий, ни, простите, большого ума... Надо нечто другое, может быть, большее. Нужно сердце, душа, желание и трудолюбие, разумеется, золотые руки, – размышлял я.

– Они, когда поступают, сами порой не знают, кто они больше: вышивальщицы или художники.

– Вот редкой красоты экспонаты, вышиты золотом. Есть ли место, где занимаются только этим?

– В Торжке есть золотошвейная фабрика.

– Какой процент из училища попадает на фабрику? – спросил я Марину.

– Они вообще перестали сейчас брать у нас выпускников. Там всех сократили. Теперь на фабрике закрыты все цеха, вышивальщиц распустили, а фабрика на грани закрытия. Работает лаборатория, причем в ней остались лишь два художника из восьми. А главный художник вообще не знает, что будет с фабрикой.

– Значит, вас становится все меньше и меньше.

– Да. На фабрике сокращения, мы в училище в этом году набрали всего тридцать человек. Такого никогда не было! Просто стыдно. Учителя от нас уходят. И детям это настроение передается. Впервые в жизни я от них услышала... Пришла на урок и спросила: «Девочки, как у вас дела?» И вдруг они говорят: «Ужасно!» Как? Отчего? Сентябрь! Солнце светит! Мы сейчас, говорю им, рисовать начнем... А они: «Мы не можем, все так ужасно!»

– Они, видимо, душой и сердцем чувствуют, что это умирающий промысел.

– Они понимают непрочность своего положения, видят, что уходят в никуда лучшие педагоги. Они в отчаянье.

– А вы сами ощущаете, что промысел умирает?

– Я надеюсь, что он все-таки не умрет. И на фабрике, и особенно в училище работают великолепные мастера! Люди, которые золотному шитью посвятили всю свою жизнь.

– Но ведь уходят. А если прекратится финансирование училища? Если уйдут все преподаватели?

– Они будут сидеть дома и выполнять заказы. Ремесло не пропадет.

– Для заказа нужны деньги. Мало того, нужно, чтобы человек,

имеющий деньги, обладал еще и тонким вкусом. Если Екатерина Вторая заказывала платье или Александр Сергеевич – *поясы*, то это были люди с высоким уровнем культуры. А из нынешних – кто будет у вас заказывать? Посмотрите на тех, у кого водятся деньги.

– Да, нам сейчас, чтобы жить, приходится шедевры продавать за бесценок, – с грустью признается Марина. – Знаете, как мы об этом жалеем... У нас произошел случай, который я никогда не забуду, даже когда умирать буду. Приехали американцы – а иностранцы, вообще-то, к нам часто приезжают – и вдруг, смотрю, уносят из музея уникальное панно, вышитое настоящими золотыми нитками. Я вся затряслась, когда увидела... Боже мой! Неужели продали?! Бегу

узнать... Продали!.. За сколько? За семьсот тысяч рублей! Я чуть не потеряла сознание...¹

– Что за изделие?

– Это было панно «Русь». Там разными *коваными* швами был вышит храм Василия Блаженного и на фоне этого храма старорусским шрифтом вышито слово «Русь». Повторить такое просто невозможно. Я это знаю! И пусть панно небольшое, но оно было просто отлито золотом – такое качество вышивки. И всего за семьсот тысяч рублей! Это все делается от нищеты. Я плакала, а меня успокаивали, говорили: «Мы еще повторим, когда нужно будет»... Да как же такое повторить?! Бывают такие образцы, которые при любом умении и желании повторить невозможно. Туда человек всю душу вкладывает. Это панно повторить нельзя. Ведь почему этот американец его купил? Он прикоснулся к нему и почувствовал тепло, ощутил вложенную в изделие душу. Иностранец оказался умнее нас. Мы-то все свое продаем...

– А черный меховой костюм? – встрепнулся я. – Кажется, «Зимой по Невскому» называется? Где он? Что с ним? Его кому-то продали?

– Нет, костюм еще пока висит, – успокоила Марина.

– Что нужно сделать, на ваш взгляд, чтобы промысел не погиб?

– Нужно, чтобы дети приходили учиться. Надо вселить в них надежду, уверенность, что это нужно людям, стране, России. Раньше выпускали по шестьдесят человек. В 1995 году был выпуск восемьдесят пять человек. Восемьдесят пять дипломных работ – и все гениальные! А в этом году – всего двадцать выпускников. И о том, что будет завтра, даже не хочется думать.

«Золотая нить, послушная руке вышивальщицы, – это прозрачная нить памяти, традиции, культуры, ведущая в глубь столетий...» – сообщается в красочной брошюре, посвященной золотному шитью...

¹ В 1998 году это было примерно 120 долларов США.

Откуда много веков назад пришло к нам золотное шитье?

С Востока? Из Средней Азии? Из Индии? Появилось ли оно лишь благодаря желанию копировать чужеземные роскошные одежды, сверкающие заморские наряды? А может, в этом стремление самим как-то отличиться – блеском и роскошеством? Или золото у нас не в цене, так давай его на одежду, на обувь, на поясы, мол, вот мы, русские, какие!

Нет, не в том главный вопрос, откуда пришел этот промысел. Мало ли попадало к нам модных заморских чудес. Пошумим, повосторгаемся... да и забудем. Пришло и ушло. Главное в другом: почему этот промысел прижился у нас на века, отчего стал своим, родным, каким образом вобрал в себя нашу русскую особенность, неповторимость, почему так органично впитал в себя наш природный орнамент и сумел отразить в себе чаянья нашей беспокойной души? Вот секрет золотошвейного промысла!

А может, и не секрет никакой?

«Как бы ни были прекрасны другие цвета, все-таки золото полуденного солнца – из цветов цвет и из чудес чудо. Все прочие краски находятся по отношению к нему в некотором подчинении и как бы образуют вокруг него “чин”. Перед ним исчезает синева ночная, блекнет мерцание звезд и зарево ночного пожара. Самый пурпур зари – только предвестник солнечного восхода. И, наконец, игрою солнечных лучей обуславливаются все цвета радуги: ибо всякому цвету и свету на небе и в поднебесье источник – солнце.

Такова в нашей иконописи иерархия красок вокруг “солнца незаходимо”. Нет того цвета радуги, который не находил бы себе места в изображении потусторонней Божественной славы. Но из всех цветов один только золотой, солнечный обозначает центр божественной жизни, а все прочие – ее окружение. Один Бог – сияющий “паче солнца”, есть источник царственного света. Прочие цвета, Его окружающие, выражают собою природу той прославленной твари небесной и земной, которая образует собою Его живой, нерукотворный храм» (*Евгений Трубецкой, «Два мира в древнерусской иконописи»*).

Окиньте взором наши бескрайние поля, на которых колышутся налитые золотом пшеничные колосья; вспомните наши пышные золотистые караваи; посмотрите на золотые косы русских девушек; взгляните на золоченые купола наших древних храмов, на сияние золотых крестов, венчающих их; всмотритесь в золотые лики наших святых чудотворных икон; наконец, полюбуйтесь нашей золотой осенью, сказочной порой и временем наивысшего вдохновения для Солнца русской поэзии – Александра Сергеевича Пушкина!

Разве не отзывается все это, самое ценное, дорогое и значительное, что только есть у нас, в золотисто-солнечном узоры, искусно вышитом на бархате или шелке? Неужели не слышим в этой симфонии голоса любви, добра, надежды и разве не видим в вышитых фигурках птиц, зверей, фантастических животных, в

волшебном растительном орнаменте – удивительный, бескрайний и сказочный мир – нашу Россию? Поистине этот древний промысел еще и Промысел Божий! И как же нам, народу по преимуществу северному, которому всегда так недоставало тепла и солнца, добра и правды, должны быть по-особенному дороги свет и тепло, исходящие от искусной золотой вышивки!

Но что происходит! Тысячелетний, истинно русский промысел, сочетание высокого искусства и кропотливого подвижнического труда, умирает? Соединение трепетного сердца, отзывчивой души и нежных женских рук – никому не нужно?

Этими вопросами задаются сегодня, сейчас, лишь тверские девочки – самые чувствительные из всех земных существ – да их учителя, бесценные носители многовекового опыта и традиций.

Кто из сильных мира сего услышит эту робкую, едва слышную тревогу? Кто из преуспевающих и провозглашающих: «Время жить в России!» – обратит внимание на эту опасность? Чего будет стоить обустроенная и оцивилизованная Интернетом держава без сказочной золотой фигурки, вышитой на бархате искусной новоторжской девушкой? И как эта держава будет называться?

* * *

*Флаги выцвели до белизны простынной,
Повсюду в городе белые-белые флаги.
Самое страшное то, что уже не стыдно –
Совесть, как водка – выветрилась из фляги...
“Новые русские” пьют в ресторанах виски,
“Старые русские” хлещут в подъездах ханку.
“В красных стреляйте!” – кричит в телевизор артистка.
Всюду свобода, равенство, братство и... танки.
“Мама, салют?” – спросил пятилетний мальчик,
А это черным по Белому дому лупят.
Рядом старушки выгуливают собачек,
И б... друг друга снимают на фоне трупов.
“Бомжевое” убежище Маяковки...
За доллары нас подвешат аэролаты...
Какой-то старый чудака еще клеит листовки,
Но мальчики из поэтов уходят в пираты.
Вырубили весь лес на горе к юбилею.
На стелу повесил грузин клоунессу Нинку,
Наверно, чтоб жить стало легче и веселее...
Ветераны! Поздравьте сопливых с победой рынка.
Божья коровка! Лети на самое небо!
Туда, где цветут сады и горит лампада.
И принеси-ка корочку черного хлеба
Бабушкам, снова попавшим в кольцо блокады.
В офисах души закладывают в компьютер.
В казино “Александр Блок” конкурс
“Мисс Незнакомка”.*

*Близ Диканьки взят в заложники целый хутор.
У поэта по этому поводу видеомка.
Йоги, баптисты, буддисты, факиры, ламы –
Повсюду в городе белые черные маги,
Они нагадают по звездам, что будет с нами,
По звездам на полосатом заморском флаге.
Вот и съехал танк с постамента, кашлянул пушкой,
“Бронированный гость” угодил в ресторан “Евгений”...
Что бы сказали об этом Вы,
Александр Сергеевич Пушкин,
Счастливый и мудрый поклонник чудных мгновений?
Нынче поэты не сделают “в море погоду”,
Разве что вспомнят, заплакав над Словом Вашим,
О том, что в свой жестокий век Вы восславляли Свободу
И призывали милость к падшим...
Флаги выцвели до белизны простынной,
Флаги стали похожи на белые рваные тряпки...
Как там говорится? – Построить Дом,
Посадить дерево,
Вырастить сына
И сказать: Сынок! Читай Пушкина.
Стань лучше папки.*

Эти стихи несколько лет назад написал молодой актер театра на Таганке Влад Маленко. Он их поет под гитару, громко, с надрывом... А мы их негромко прочтем и порадуемся тому, что и среди молодых есть такие, которые о чем-то думают.

В море погоды поэты, конечно, не сделают, но все же заглянем к ним, поэтам города Торжка. Они собрались в своей гостиной и уже ждут нас.